

УДК 947
ББК Т 3(2)4

*Наталья Владимировна Эйльбарт,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: ejlbart@mail.ru*

Московский поход Сигизмунда III в польских документах государственного архива Швеции

В статье рассказывается о походе польского короля Сигизмунда III на Московское государство в 1609–1613 гг. На основании польских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции, автор излагает причины, по которым польский король решил напасть на Россию, а также результаты данного Московского похода, повлекшего за собой экономические и политические проблемы для Речи Посполитой. Особое внимание уделено отношению польской и литовской аристократии к российской политике Сигизмунда III, а также реакции католической церкви на королевские намерения вести войну с Московским государством и соединить его с Речью Посполитой посредством личной унии. Автор впервые цитирует ранее не введённые в научный оборот письма польских и литовских сановников своему королю, отражающие их мнения в отношении российской политики монарха.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Московское государство, Сигизмунд III, королевич Владислав, русско-польская война, польские и литовские сенаторы, Государственный архив Швеции.

*Nataliya Vladimirovna Eyl'bart,
Doctor of History, Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: ejlbart@mail.ru*

Campaign of Sigismund III to Moscow in Polish Documents of Riksarkivet

The article tells about the campaign of the Polish King Sigismund III in Muscovy in 1609–1613. On the basis of Polish documents kept in the State Archives of Sweden (Riksarkivet), the author presents the reasons why the Polish king decided to attack Russia, as well as the results of the Moscow campaign that caused the economic and political problems for the Polish-Lithuanian Commonwealth. Special attention is paid to the Polish and Lithuanian nobility attitude to the Russian policy of Sigismund III, and the reaction of the Catholic Church on the royal intention to wage war with Moscow and connect it with the Polish-Lithuanian Commonwealth through a personal union. The author is the first to cite letters of Polish and Lithuanian dignitaries to their king, which haven't been introduced to science yet. These letters reflect their views on the Russian policy of the monarch.

Keywords: the Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovite state, Sigismund III, prince Vladislav, the Russian-Polish war, Polish and Lithuanian senators, Riksarkivet.

В 2009–2010 гг. автору этой статьи довелось работать с дошедшими до нас польскими документами, относящимися к Смутному времени и отложившимися в фондах Государственного архива Швеции в результате вывоза их с территории Речи Посполитой во времена польско-шведской войны 1655–1660 гг. Значительная их часть до сих пор ещё не была введена в научный оборот; в то же время эти рукописные источники позволяют переосмыслить и несколько иначе взглянуть на Смуту XVII века как на эпоху, имеющую для Речи Посполитой не менее трагические последствия, чем для России, и которую можно было бы назвать общей трагедией славян. Обратимся

в данной статье к кульминационному этапу Смутного времени – походу польского короля Сигизмунда III на Россию в 1609–1613 гг.

Согласно свидетельству современника событий епископа Станислава Любенского, замысел похода на восток возник у Сигизмунда III ещё в 1607 году. В апреле 1607 года его величество отправил на воеводские сеймики своих послов, которые говорили шляхте: «Сейчас неподходящее время для объявления Московии войны и возвращения провинций, оторванных ею от Речи Посполитой, [но] от этого король все не далёк» [22, s. 136]. Упомянем здесь более подробно о причинах, побудивших польского короля пуститься на столь рискованное предприятие, как ведение войны с

Московским государством, и о тех выгодах, которые в случае успеха сулила Сигизмунду III Московская кампания. В результате Сандомирского рокоша авторитет польского монарха упал и Сигизмунд, похоже, надеялся, что «маленькая победоносная война» восстановит в глазах подданных его пошатнувшуюся репутацию. «Когда в результате последней гражданской войны авторитет государя был поколеблен», – отмечал современник событий Станислав Кобежицкий, – «он восстановит его удачным походом и при этом освободит Польшу от безнаказанно слоняющихся вооружённых отрядов, кои лучше и славнее бы было, чтобы скорее сражались с неприятелем, чем с крестьянами» [21, s. 50]. Таким образом, Московская война была для Сигизмунда III одним из способов удержать польскую корону; но прежде всего главной целью его жизни стало возвращение шведского трона, утрата которого наложила отпечаток на всю его последующую политику. По воспитанию и мировоззрению Сигизмунд был шведом, отечеством в его глазах была Швеция, а Польша служила своего рода разменной монетой в его борьбе за «наследственную корону». В Речи Посполитой ходили весьма нелицеприятные слухи о короле, якобы готовом отдать Польшу Габсбургам, а самому при помощи немцев вернуть шведскую корону. Опасаясь потерять и польский трон, доказывая свой патриотизм, начиная Московский поход, Сигизмунд III провозгласил в Люблине, что использует свои победы только во благо Речи Посполитой и ничего не возьмет для себя и своей семьи. Такое заявление, повторенное затем в Вильно, должно было склонить мнение польской и литовской шляхты в пользу монарха. По словам Кобежицкого, Сигизмунд рассчитывал на то, что «за полным наилучших планов государем двинулись бы магнаты и отборные отряды шляхетской молодёжи, желающие участвовать в великолепной демонстрации хвалы и преславных дел: посему не будет нехватки продовольствия и денег от доброжелательных королю чинов, кои выразят согласие на войну на общем сейме» [21, s. 50–51]. По-видимому Сигизмунд поверил в таковую радужную картину, нарисованную ему советниками, но главным аргументом для него в пользу Московской войны стал, на наш взгляд, Выборгский трактат, заключённый между

Василием Шуйским и Карлом IX. Здесь не только было больно уязвлено самолюбие Сигизмунда, но в его глазах возникла реальная угроза утраты польского престола. Мало того, что ещё бывший польский посол в Россию Николай Олесницкий пугал короля слухами о самозванце, мнимом сыне короля Стефана Батория, коего Шуйский якобы собирался «создать» и посадить на польский трон [1], в Польшу доходят известия о том, что царь Василий финансирует Карла IX в его походах на Инфляндию. Согласно сохранившейся в Государственном архиве Швеции анонимной реляции «Причины и советы Московской войны», об этом Сигизмунду III сообщил стоящий в Инфляндии литовский гетман Ян Карл Ходкевич, узнавший о русско-шведском договоре от шведских пленников. «Карл, взявши деньги от вашего государя», – говорил Ходкевич в 1615 г. на переговорах с русскими послами, – «нанял на них разных чужеземцев против инфляндских замков его королевского величества... и пошёл на войска его королевского величества» [2]. «Обнаружилось наверняка, – констатирует автор реляции «Причины и советы Московской войны», – что чужеземные мощные войска, которые Карл так часто приводит в Инфляндию, росли из московских сокровищ и изобилия» [3]. Таким образом, союз Шуйского и Карла грозил Сигизмунду утратой польской короны, поэтому ради будущего своей династии и своего собственного в Польше он просто вынужден был чем-то ответить и, несмотря на меланхоличность, свойственную его характеру, действовал в этой связи последовательно и решительно.

Уверенности в успехе ему придали ещё несколько обстоятельств. Автор реляции «Причины и советы Московской войны» сообщает, что «Смоленск благодаря расположению одной особы обещали [нам] сдать» [3]. Возможно, этой «доброжелательной особой» являлся смоленский воевода князь Иван Семенович Куракин, в последующем выказывавший симпатию Сигизмунду III и полякам. В той же реляции отмечено: «Вновь дали знать из Москвы, что первейшие бояре этого государства и немалая часть простых людей огорчены несчастливом царствованием Василия Шуйского. Видя, что он тратит казну, а отпора польским людям дать не может, они хотели восстать против него и замыслили пере-

мены. А доброжелатели из этого народа всё предупреждали [нас] и зывали, веря в то, что здесь отзовутся и объявятся те, которые в то время имели об этом основательные известия и советовали, чтобы его королевское величество, не ожидая сейма, не упускал оказии такого великого и доброго дела» [3]. Помимо подобных благоприятных для короля вестей, ему также были сообщены достаточно утешительные сведения велижским старостой Александром Гонсевским, совершившим в июле 1609 г., ещё до начала похода Сигизмунда под Смоленск, рейд к Великим Лукам, дабы выяснить умонастроения москвитян в отношении прихода польского монарха в Россию. Здесь Гонсевский узнал о возможных планах датского короля Кристиана IV напасть на Московское государство со стороны Ивангорода [4], что несомненно ещё более ослабило бы Шуйского и сделало его менее опасным для Сигизмунда, к тому же великолуцкие воеводы весьма благосклонно высказались в отношении прихода польского короля [5]. Об этом Гонсевский тотчас же доложил Сигизмунду, и, несомненно, его сведения были очень весомы для монарха. Гонсевский пользовался в Речи Посполитой репутацией знатока российских дел, Кобежицкий характеризовал его как «мужа чрезвычайного ума и расторопности. Никто лучше него не знал натуры этих людей, и никто подробнее не изучил и не постиг их чувств, скрываемых особенно искусно» [21, с. 161].

Несомненным оскорблением для аристократических кругов Речи Посполитой стало задержание в плену знатных гостей, приехавших в Москву на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек, многие из которых были связаны близкими кровными узами с влиятельными польскими политиками. Ещё бóльший накал в польском обществе вызвало поведение Шуйского на мирных переговорах с послами Сигизмунда III в 1607–1608 гг. На вышеупомянутых переговорах 1615 г. польская сторона утверждала: «Это перемирие бывший государь ваш князь Василий Иванович Шуйский насильно получил от послов и посланников его королевского величества, поскольку послов около трёх лет, а посланников более года насильно держал в Москве и не хотел их отпускать, пока они не должны были согласиться на такое перемирие и на такие договорные записи, какие он сам и бояре его хотели и

какие вы сами написали... А государь ваш князь Василий Шуйский, несмотря на наказ его королевского величества, насилием вырвал перемирие на три года и ещё к тому же в крестоцеловальную запись вынудил добавить одиннадцать месяцев» [2]. Оправдывая нарушение ими мирного договора, поляки, в частности А. Гонсевский, утверждали, что «всякое перемирие, полученное от послов насилием, ничего не стоит» [2]. Они обвиняли Шуйского в том, что он «делал, что ему хотелось, а послы и посланники, жажда освобождения своего от него, как из плена египетского, по принуждению целовали крест на примирительных грамотах» [2]. Не исключено, что на момент подписания польско-российского перемирия 1608 г. послы Сигизмунда III были в курсе воинственных королевских намерений, с лёгкостью предоставив Шуйскому письма в пограничные литовские и инфляндские замки, предписывающие не пропускать подданных Речи Посполитой к тушинскому самозванцу. Примечательно, что по возвращении своих послов в Краков, Сигизмунд «приказал разослать письма свои по пограничным крепостям, чтобы людей московских не зацепляли, людей военных у тушинскому самозванцу не пропускали. Другие же письма изволил приказать написать к князю Роману Рожинскому, князю Вишневецкому и ко всем польским и литовским людям, которые с ними своевольно были при тушинском самозванце, чтобы они, согласно договору и первым письмам посольским, от самозванца с Московской земли ушли прочь и крови не проливали» [2]. Разумеется, такие указы польский король отдавал не ради соблюдения мирного договора с Шуйским, но с целью ослабления собственного соперника – Тушинского вора, потому как уже мнил себя московским царём, ободрённый донесениями о слабости царя Василия.

Итак, долго решавшийся на Московскую войну Сигизмунд III переходит, наконец, к активным действиям. В январе 1609 г. в Кракове на консультациях в сенате он ставит в известность магнатов и высшее духовенство относительно своих намерений, однако это вызывает далеко не однозначную реакцию. В вышеназванной реляции «Причины и советы Московской войны» упоминается, что несколько сенаторов высказали мнение: «Трудно удержать преиму-

щество над врагом, если таковое будет» [3]. Большая же часть польской и литовской аристократии ведёт себя индифферентно, как бы совершенно не интересуясь королевскими планами и намерениями, если они не касаются их лично. Сигизмунд, не уверенный в реакции депутатов сейма, вовсе не выносит вопрос о войне на обсуждение в нижнюю палату, здесь говорится только об одном налоге на Инфляндскую войну и «на устранение опасностей для Речи Посполитой», на что депутаты соглашались, ни слова не проронив о войне с Московским государством. Таким образом, приходится констатировать равнодушие подавляющего большинства польского общества к Московской войне, которое со временем под влиянием тех трудностей, в которые ввергли Речь Посполитую действия короля, станет ей враждебно. А пока, опираясь на узкий круг своих сторонников из числа аристократов и небольшую часть близкого ко двору католического духовенства, Сигизмунд III начинает Московский поход, сделав по дороге в Люблине и Вильно заявления в собраниях шляхты о том, что «не желает [ничего] присоединить ни себе, ни потомкам своим, но всё присоединит к Речи Посполитой» [3].

Несмотря на советы особо воинственных представителей королевского окружения, предлагавших сразу углубиться на русскую территорию и занять Москву, Сигизмунд придерживался скорее выжидательной позиции, с сентября 1609 г. осаждая Смоленск и, видимо, надеясь на появление в своём лагере «доброжелательных московских бояр». Посольство противников Шуйского во главе с М. Г. Салтыковым и В. М. Масальским, прибывшее к королю под Смоленск в январе 1610 года, лишь отчасти оправдало ожидания монарха, предложив московскую корону его сыну Владиславу. Однако, по словам С. Кобежицкого, «в уме короля вследствие уговоров нескольких его советников установились совершенно другие взгляды» [21, s. 163]. Его величество сам желал царствовать в России, соединив её с Речью Посполитой посредством личной унии, и, похоже, готов был ради этой войны принести в жертву благосостояние и безопасность своих польских и литовских подданных. С другой стороны, сразу же после своего прихода в Россию король вёл себя отнюдь не как беспощадный за-

воеватель, но предпринимал шаги к тому, чтобы склонить на свою сторону местное население. Он, например, по свидетельству С. Кобежицкого, дважды в день ежедневно посещал богослужения в православном монастыре святых Бориса и Глеба под Смоленском [21, s. 190], а сразу же после прихода к этому городу через своих военачальников уверил местное население в том, что «в течение всего времени с жёнами своими и детьми в своих домах будут целы» [2]. По-видимому, к вмешательству Сигизмунда в российские дела сначала благосклонно относились и значительные силы московской знати как в самой столице, так и в Тушино, надеявшейся, что король будет способен «унять кровопролитие» и восстановить мир и порядок в государстве. Королевский дворянин Ян Добек, посланный к столице зимой 1609–1610 гг. для выяснения умонастроений «московских граждан», доносил своему монарху, что «сердца москвитян» склоняются к нему, а «Господь подаёт это государство вашему королевскому величеству» [6]. Поэтому даже после похода гетмана Станислава Жолкевского к Москве и присяги населения столицы Владиславу, несмотря на разумные доводы гетмана, Сигизмунд упрямо продолжает затягивать дело и доходит до того, что открыто показывает своё неудовольствие действиями Жолкевского. Вообще, по-видимому, король весьма ревниво относился к возвышению собственного сына до положения московского царя, поскольку похоже приказал уничтожить оригинал русской присяги Владиславу, составленный 27 августа 1610 года, который, по свидетельству С. Кобежицкого, бесследно пропал [21, s. 141]. Коронный гетман пытался оправдать свои действия в письме монарху из Москвы, доказывая, что дела «иначе быть не могли» и «Краков не сразу строился», имея в виду постепенное достижение желаемого [7]. По возвращении в лагерь под Смоленск, на заседании сената Жолкевский произносит речь, где говорит о своём опыте общения с «москвитянами» и между прочим приводит слова, сказанные ему боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым: «Если его королевское величество будет добывать это государство для сына, вся земля легко склонится к этому, если же для самого себя, будет великое кровопролитие, и это может стать [причиной] распада этой земли» [8].

Но данные убеждения несколько не подействовали на Сигизмунда, он продолжал упрямо идти к намеченной им цели даже тогда, когда всё новые и новые трудности ставили под вопрос успех всей кампании. Говоря о характере короля, С. Кобежицкий отмечал: «Король всю свою жизнь упорно следовал раз принятому решению... Его не убеждали ни удобный случай, ни благоприятные обстоятельства, ни дельная аргументация. За своё упрямство он был жестоко наказан: потерял наследственное королевство и московский скипетр, к тому же потерпел много поражений. Всё это он принимал с каменным лицом, как будто выслушивание жалоб возмущённого народа и отступление от своих планов было ниже его достоинства» [21, s. 175]. Королевская игра в затягивание переговоров о московском троне для Владислава началась сперва под Смоленском, когда монарх, по совету братьев Потоцких, потребовал от смолян двойной присяги (на имя сына и собственное), на что получил следующий ответ: «Трудно жить под двумя государями». На контраргумент королевского окружения о том, что «сын и отец единое целое», смоляне говорили: «Это только на небе, на земле и отцу, и сыну нужно своё» [8]. Для гибкого политика подобные обстоятельства послужили бы поводом к пересмотру своих действий, но Сигизмунд продолжал упрямо настаивать на избранном курсе. Ни король, ни его окружение не почувствовали для себя опасности в перемене умонастроений жителей Москвы, о чём с тревогой извещал в своих письмах уже в январе 1611 года начальник польского гарнизона в российской столице А. Гонсевский. «Видя некоторую перемену к худшему в настроениях здешних людей, я послал к его королевскому величеству, извещая об этом», – доносил он своему патрону Жолкевскому, отмечая, что если король прибудет в Москву один, без сына, «то это наверняка привело бы к великому и бесчисленному кровопролитию» [9]. В целом, Гонсевский был более реалистичен в плане умонастроений в столице, отмечая, что «с этим народом нужно вести дела очень осторожно», в отличие от Жолкевского, уверявшего короля в том, что в Москве он «бочкой водки купил многих людей и склонил их к услугам вашего королевского величества» [8]. Нужно сказать, что Гонсевский в полном смысле слова «ходил по лезвию бритвы»,

пытаясь, с одной стороны, обезопасить польский гарнизон от русских, а с другой – предотвратить бунт самих польских солдат, коих измучило безденежье и суровая зима. Воспользовавшись наступлением шведов на Новгород, Гонсевский попробовал под этим предлогом отправить часть «служивых людей» из Москвы, «дабы, живя дома, они не распространяли бунты» [10]; однако те отказывались идти без польских солдат, а последние, в свою очередь, без денег. «Мы вместе с панами полковниками и панами ротмистрами сопротивляемся злу, как только можем», – уверял Гонсевский короля в январе 1611 года [10], однако уже в марте в Москве вспыхивает восстание, приведшее к пожару столицы и голоду.

При таком неблагоприятном для короля течении событий практически «чудом» (как об этом пишет и С. Кобежицкий, и бывший в королевском лагере ксендз-секретарь Якуб Задзик) становится падение Смоленска в июле 1611 года и вступление туда польских войск после почти двухлетней осады. Однако главный вопрос в ведении войны – вопрос денежных средств, оставался для Сигизмунда нерешённым, без поддержки сейма у него были связаны руки. Варшавский сейм, прошедший в сентябре-ноябре 1611 года, утвердил только два налога на Московскую войну, этого было явно недостаточно для удержания ситуации в столице под контролем, поэтому 2 марта 1612 г. король обратился к сенаторам с письмами, вопрошая их о способах спасения положения. По-видимому Сигизмунд надеялся, что расчувствовавшиеся магнаты и высшее духовенство дадут на продолжение войны личные средства, таким образом удастся избежать потери времени на созыв внеочередного сейма и сил на убеждение депутатов. Однако полученные королём ответы в подавляющем большинстве были малоутешительны и показывали действительное отношение польской правящей верхушки к московской политике своего короля.

В бумагах Сигизмунда III, попавших в Государственный архив Швеции, содержится около двух десятков писем сенаторов, являющихся ответом на вышеупомянутый королевский запрос, сделанный монархом 2 марта 1612 г. Большая часть из них представляет собой отписки, призывающие короля ничего не делать без решения сейма. Хочется особо выделить восемь из

этих писем (от четырёх светских и четырёх духовных сенаторов), в которых, на наш взгляд, содержатся интересные размышления, касающиеся Московской войны. Начнём с того, что из авторов приведённых писем только один сенатор, русский воевода Станислав Гольский (сторонник двора и воинственной партии Потоцких), предложил реальный и быстрый способ спасения положения: личные средства сенаторов. «Это [положение] не спасёт ничто, оно требует денег», – пишет Гольский королю [11] и далее отмечает, как на одном из заседаний сената предложил отдать на военные цели годовой доход со всех старост в Речи Посполитой, которые, согласно праву, сенаторы арендовали на условиях уплаты четверти доходов (квартиры) королю. Однако, по словам русского воеводы, на его призыв откликнулся только львовский архиепископ Ян Замойский. Остальные сенаторы «повесили носы», «они предпочитают, чтобы у них это вырвали [враги], чем дать какую-то часть [добровольно]», – констатирует Гольский. Письмо его достаточно жёстко, безо всяких преамбул и придворной лести он предупреждает короля: «Если мы всего этого не сделаем и не соберём значительной суммы..., [то] кровавые труды и слава вашего королевского величества умалются, и то, что ваше королевское величество достигли на глазах у всего света, заложив великий фундамент к овладению столь великим и богатым государством в мире, с тяжёлой скорбью опасаясь, придётся всего [этого] лишиться» [11].

Письмо другого светского сенатора, витебского воеводы Яна Завиши, носит резко выраженный антивоенный характер; анализируя шаткую ситуацию в Москве, он призывает короля закончить эту войну. «Мне эта московская миссия скорее не по вкусу, потому как и в то время, когда его милости пану коронному гетману присягали в столице, мне сия вещь не казалась основательной, потому что принесли присягу только одни осаждённые, не склоняя [к этому] другие провинции и большие города и без их позволения, похоже, что не столько из охоты, сколько под давлением, спасаясь в этом взрыве и ужасном замешательстве», – писал Завиша Сигизмунду [12]. Как ярый охранитель шляхетских прав и свобод, он также призывал короля ничего не делать без согласия чинов.

Письмо краковского воеводы, бывшего рокошанина Николая Зебжидовского, вероятно, продолжавшего испытывать ненависть к Сигизмунду, написано довольно жёстко и раздражительно. Кажется, воевода и не находил нужным скрывать своё отношение к действиям короля, и, по-видимому, не без удовольствия констатировал, что умонастроения шляхты «смущены больше, чем когда-либо, так что без великого милосердия Божьего трудно обещать хороший конец» [13]. Таким образом, по его мнению, и повторный сейм не принес бы Сигизмунду желаемого результата.

Сандомирский воевода Юрий Мнишек, отец свергнутой царицы Марины, без сомнения, продолжавший поддерживать притязания дочери на московскую корону, отвечал королю, тем не менее, довольно льстивым и дипломатичным письмом, в котором убеждал монарха «как верный и доброжелательный» подданный в том, что только сейм может «спасти дело в основе». На самом деле это привело бы к проволочкам, и под таковой маской ревнителя законов пан Юрий думал об интересах собственной семьи, которые отнюдь не совпадали с королевскими. В отличие от достаточно прямого в своей неприязни к Сигизмунду Зебжидовского, в манере Мнишка было маскировать свои истинные чувства и намерения; в письме к королю он даже отмечал, что готов на определённые жертвы ради внеочередного сейма: «Что же, пускай наши затраты и сеймовые невзгоды уступят таким неотложным потребностям Речи Посполитой... Мне кажется, что любой предпочтёт снести тяготы, нежели из-за таковых конфедераций не только выпустить из рук то, что ваше королевское величество с отвагой заполучили, но и ожидать какую-либо опасность для отечества» [14]. Однако, как показывают другие польские документы Государственного архива Швеции, в действительности Мнишек действовал совсем не в пользу короля. Об этом можно судить по постановлениям Опатовского сеймика Сандомирского воеводства, где избирались послы на общий сейм и на решения которого пан Юрий должен был оказывать исключительное влияние. Например, на одном из заседаний вышеупомянутого сеймика в 1611 г. близкий к семье Мнишек шляхтич Горайский заявил, что Московский поход Сигизмунда «начался неуместно и не по заведённому порядку»; кроме того, покорение Московского государ-

ства «не может покрыть не только один, но и несколько налогов, и если оный столь часто вынуждены будем давать, он всем опротивеет, и свобода сего не допустит» [15]. Таким образом, Опатовский сеймик был против налогов на Московскую войну, и хотя пан Мнишек очень редко бывал как в Сандомире, так и на Опатовском сеймике, но весьма активно действовал на нём через своих подчинённых. Этот сеймик продолжал оставаться оппозиционным к политике короля вплоть до смерти Юрия Мнишка в мае 1613 г., только в 1614 г. сменивший пана Юрия на должности сандомирского воеводы Збигнев Оссолинский, посетивший Опатов, склонил сандомирскую шляхту к тому, дабы она утвердила шесть налогов на военные цели [23]. Кроме того, в 1612–1613 гг. Юрий Мнишек на деле поддерживал польских конфедератов, пришедших в Речь Посполитую из Московского государства, кои отказывались подчиняться королю и требовали от него выплаты заслуженного жалованья. Часть солдат, составлявших польский гарнизон в Москве, ещё до его капитуляции 1612 года ушла из русской столицы и провозгласила «конфедерацию столичного войска», выбрав своим предводителем некоего Юзефа Теклинского. Конфедераты расположились под Кросно, на территории саноцкого староства, принадлежавшего Мнишку, и оттуда слали свои требования королю. По-видимому, Юрий Мнишек видел в этих конфедератах, многие из которых служили ещё в тушинском войске Лжедмитрия II, ту оппозиционную Сигизмунду силу, которая поможет ему оказать давление на короля и обратить ситуацию как в Польше, так и Московском государстве в пользу своей семьи и, в частности, дочери Марины. Судя по всему, не без участия своего воеводы Опатовский сеймик в 1613 г. поддержал требования конфедератов к королю и призвал его пустить на оплату солдатам «сокровища, вывезенные из столицы», а также обратить на эти цели все налоги [16].

Рассуждения католических духовных сенаторов относительно способов разрешения трудностей, возникших у Сигизмунда III в свете Московского похода, были весьма пространны и отнюдь не свидетельствовали о поддержке монарха католической церковью. Все они, по сути, отсылали короля к созыву внеочередного сейма, ревниво ограждали церковные доходы от налогов на войну и деликатно умалчивая о денеж-

ном вопросе, в избытке давали Сигизмунду политические советы. Краковский епископ Петр Тылицкий предлагал монарху уладить дела «[при помощи] какого-либо добродетельного москвитянина, посадив его на престол и поддерживая его, а он чтобы выплатил долг [нашим] солдатам, составил Лигу с государствами вашего королевского величества и был помощником вашего королевского величества в шведских делах» [17]. Хелмский епископ Юрий Замойский советовал Сигизмунду немедленно отправляться в Северскую землю, считая, что поднявшие бунт солдаты, «услышав о приходе вашего королевского величества, могут остаться и дать склонить себя к добросердечным переговорам» [18]. Перемышльский епископ Станислав Сетинский не исключал возможности «уступить чаяниям и просьбам этих московских людей» и отпустить Владислава царствовать в Россию, убеждая короля поспешить в Москву с войском «таким сильным, какое только можно будет собрать» [19]. Варминский епископ Симон Рудницкий, сокрушаясь по поводу взбунтовавшихся солдат, рекомендовал монарху обо всём советоваться на сейме [20].

Таким образом, в результате король и немногочисленная придворная партия, поддерживающая его начинания, должны были действовать собственными силами в самый критический для них момент развития московских событий, когда, с одной стороны, действия Сигизмунда вызвали неприязнь русского населения, а с другой – наёмные солдаты угрожали миру и порядку внутри самой Речи Посполитой. Однако, следуя зову собственных амбиций, король всё же берёт с собой сына и осенью – зимой 1612–1613 гг., так и не созвав сейм, отправляется к Москве. Вернувшись назад ни с чем, король вновь столкнулся с неприязнью подданных; в самой Польше росло недовольство, что неурядицы в России перекинутся и на неё, ведь вернувшиеся с войны солдаты составили целых три конфедерации (львовскую, брестскую и быдгощскую), требуя от Сигизмунда уплаты денег. «Этот солдатский бунт», – пишет С. Кобежицкий, – «был самым грозным среди тех, которые когда-либо случались в Польше. Наёмники заключили постыдный союз, давая тем самым наихудший пример на будущее. С этого времени дерзкие бунты и подобные конфедерации часто повторялись» [21,

s. 204]. И хотя сейм, собравшийся в Варшаве в феврале 1613 г., утвердил 9 налогов на уплату жалования конфедератам, но отныне запретил королю вербовать солдат без согласия всех чинов на сейме. По словам С. Кобежицкого, «люди были измучены непрекращающимися поборами и уже вздыхали о сладостном мире» [21, с. 239]. Можно заключить, что необдуманная политика Сигизмунда III, не пользующаяся поддержкой у подавляющего большинства польского общества, нежелание короля считаться с реальными возможностями и действи-

тельным положением дел, ввергли в хаос его собственное государство. Как отмечал тот же С. Кобежицкий, «ошибки двух-трёх людей привели Речь Посполитую на край пропасти», а «король, равно как и его советники, познали большое разочарование в деле, в котором всецело были уверены» [21, с. 207, 202]. Исходя из этого, можно утверждать: российская Смута вовлекла в свой омут и Речь Посполитую, которую всю последующую почти двухвековую историю потрясали конфедерации, смуты и вторжения внешних врагов.

Список литературы и источники

1. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8599. P. 458–465. Письмо Н.Олесницкого Сигизмунду III от 8 августа 1607 г.
2. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. P. 68–73. Ответ их милостей господ великих послов Короны Польской и Великого княжества Литовского, данный великим послам Московского государства.
3. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. P. 270–281. Реляция «Причины и советы Московской войны».
4. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. P. 60. Письмо А. Гонсевского Сигизмунду III от 30 июля 1609 г.
5. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. P. 57–59. Письмо А. Гонсевского Льву Сапеге от 26 июля 1609 г.
6. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. P. 94. Письмо Я. Добка Сигизмунду III.
7. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. P. 105. Письмо С. Жолкевского Сигизмунду III от 26 сентября 1610 г.
8. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 79, Senatoris Protokoll.
9. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. P. 77. Письмо А. Гонсевского С. Жолкевскому от 14 января 1611.
10. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. Письмо А. Гонсевского Сигизмунду III от 21 января 1611 г.
11. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Письмо С. Гольского Сигизмунду III от 6 апреля 1612 г.
12. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Письмо Я. Завиши Сигизмунду III от 12 апреля 1612 г.
13. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/S. Письмо Н. Зебжидовского Сигизмунду III от 18 марта 1612 г.
14. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Письмо Ю. Мнишка Сигизмунду III от 3 апреля 1612 г.
15. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8598. Речь пана Горайского на сеймике в Опатове.
16. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 119. Резолюции Опатовского сеймика.
17. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 103. Письмо П. Тылицкого Сигизмунду III от 18 марта 1611 г.
18. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90. Письмо Ю. Замойского Сигизмунду III от 23 марта 1612 г.
19. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Письмо С. Сетинского Сигизмунду III от 28 марта 1612 г.
20. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/J. Письмо С. Рудницкого Сигизмунду III от 21 марта 1612 г.
21. Kobierzycki S. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. Wrocław, 2005. S. 37–239.
22. Łubeński S. Pisma pośmertne Stanisława Łubeńskiego biskupa, podkanclerzego koronnego. Petersburg i Mohilew, 1855. 175 s.
23. Ossoliński Z. Pamiętnik. Warszawa, 1983. 249 s.

References

1. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8599. R. 458–465. Pis'mo N.Olesnickogo Sigizmundu III ot 8 avgu-sta 1607 g.
2. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. R. 68–73. Otvet ih milostej gospod velikih poslov Korony Pol'skoj i Velikogo knjazhestva Litovskogo, dannyj velikim poslam Moskovskogo gosudarstva.
3. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. R. 270–281. Reljacija «Prichiny i sovety Moskovskoj voj-ny».
4. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. R. 60. Pis'mo A. Gonsevskogo Sigizmundu III ot 30 ijulja 1609 g.
5. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. R. 57–59. Pis'mo A. Gonsevskogo L'vu Sapege ot 26 ijulja 1609 g.
6. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. R. 94. Pis'mo Ja. Dobka Sigizmundu III.
7. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. R. 105. Pis'mo S. Zholkevskogo Sigizmundu III ot 26 sentjab-rja 1610 g.
8. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 79, Senatoris Protokoll.
9. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. R. 77. Pis'mo A. Gonsevskogo S. Zholkevskomu ot 14 janvarja 1611.
10. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. Pis'mo A. Gonsevskogo Sigizmundu III ot 21 janvarja 1611 g.
11. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Pis'mo S. Gol'skogo Sigizmundu III ot 6 aprilja 1612 g.
12. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Pis'mo Ja. Zavishi Sigizmundu III ot 12 aprilja 1612 g.
13. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/S. Pis'mo N. Zebzhidovskogo Sigizmundu III ot 18 marta 1612 g.
14. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Pis'mo Ju. Mnishka Sigizmundu III ot 3 aprilja 1612 g.
15. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8598. Rech' pana Gorajskogo na sejmike v Opatove.
16. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 119. Rezoljucii Opatovskogo sejmika.
17. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 103. Pis'mo P. Tylickogo Sigizmundu III ot 18 marta 1611 g.
18. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90. Pis'mo Ju Zamojskogo Sigizmundu III ot 23 marta 1612 g.
19. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Pis'mo S. Setinskogo Sigizmundu III ot 28 marta 1612 g.
20. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/J. Pis'mo S. Rudnickogo Sigizmundu III ot 21 marta 1612 g.
21. Kobierzycki S. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. Wrocław, 2005. S. 37–239.
22. Łubeński S. Pisma pośmertne Stanisława Łubeńskiego biskupa, podkanclerzego koronnego. Petersburg i Mohilew, 1855. 175 s.
23. Ossoliński Z. Pamiętnik. Warszawa, 1983. 249 s.

Статья поступила в редакцию 20.11.2012